

Василий Дворцов — о наследии Ю. И. Селезнева, неповторимой русской лиричности и сути художественного творчества. С прозаиком, поэтом, публицистом, секретарем правления Союза писателей России, куратором Совета молодых литераторов СПР, лауреатом литературных премий беседует Сергей Коробов.

Сергей Коробов: Селезневские чтения в стенах КубГУ проводятся в четвертый раз, и вы, Василий Владимирович, являетесь одним из почетных гостей этой конференции. Какова роль таких мероприятий, как вы думаете?

Василий Дворцов: Форумы, собирающие в одну аудиторию, сводящие в один круг преподавателей и студентов, теоретиков и практиков научного или творческого рода деятельности, всякий раз сжимают энергию любви к общему делу до идейного взрыва, до вспышки сверхновых звезд открытий или произведений. Ведь здесь сочетается ретестирование рабочих сил с поистине сверхпедагогическим эффектом: прямое соприкосновение разных поколений с эмоциональной взаиморефлексией определяет и выстраивает их отношения навсегда. Доверие-недоверие, единомыслие и конкурирование, подчинение, протест – очень многое в будущем науки или искусства закладывается на таких вот форумах. Отсюда особая ответственность организаторов – в определении обсуждаемых тем и подборе имен участников, укрепляющих традиции, закладывающих новые линии исследований или же сознательно-случайно разрушающих все. Дело-то живое, каждый раз с риском.

А Селезневские чтения конкретно могу поздравить: форум созидателен по нарастающей.

С. К.: Что для вас наследие Юрия Ивановича Селезнева?

В. Д.: История – наука сложносоставная. К тому же она слишком изменчива, пластична, зависима от злободневия, и обретает более-менее объективность только на большом отстоянии. Так что в истории новейшей надо бы искать и придерживаться не некой усредняющей все представления – и пожелания! – точки зрения, а того, что укрепляет и подтверждает собственное мировоззрение. С опорой на чувственную, эмоциональную оценку «прав-

ды-лжи», «честности-бесчестья». Тогда во всеобщей субъективности будет хотя бы собственная объективность. Компромиссность в убеждениях всегда хуже упертости. И подлее.

Юрий Иванович Селезнев для меня, консерватора и монархиста со стажем (монархиста прежде всего потому, что я убежден в совершенной иерархичности устройства мира), – один из тех опорных камней, плацдармовых глыб, Божией милостью выставленных на пути русского самосознания для прохождения идеологических топей утопии интернационализма. «Вечное движение», «Глазами народа», «Память созидающая», как и выходявшие под его защитой в ЖЗЛ русско осмысленные жития героев Отечества, в свое время явились для меня авторитетнейшим подтверждением, доказательством многих моих интуиций. Ведь литературная критика в России всегда была, остается – и пребудет в лучших своих образчиках! – главной формой нашей национальной философии. Потому для меня творчество Селезнева есть одно из связующих звеньев русского самосознания от Леонтьева до Панарина, неизываемая часть магистрали правды российской истории в период страшного духовного унижения русского человека.

С. К.: «Быть русским человеком – значит быть патриотом» – так когда-то завещал Юрий Иванович Селезнев. Пожалуй, это суждение стало афоризмом. А в чем должен проявляться патриотизм русского писателя, как вы считаете?

В. Д.: «Работа – это любовь, ставшая видимой» – формула ливанского поэта-философа Джебрана Халиля Джебрана для всех и навсегда. Вот и патриотизм, отечестволюбие русского писателя проявляется работой, работой и работой. Работой в постоянном сознании высоты своего призвания – в непрестанной ответственности за то, «как

наше слово отзовется». При этом мы понимаем, что работа писателя измеряется не только томами и тысячами знаков с пробелами, что это прежде всего труд духа и души в поисках истины и преследовании идеала. В чем истина и идеал России? Какова истина и каков идеал русского народа, русского мира? Вряд ли в чем-то земном. Труд духа потаен. Работа души непублична. И плоды писательства – настоящие плоды настоящего писательства – не крикливы, не эпатажны, не рыночны. Не политичны. «Настоящие» – это вдохновенные.

Вдохновение материалистически не объясняемо, однако настоящий писатель опытно знает, что вдохновенное творчество – это не комбинаторика, не игра разума, и потому не может не признавать, что сам талант восприятия вдохновения уже есть нечто не от мира сего. И надо внимать евангельской притче: талант – не дар, не подарок за просто так, а богатство, даваемое в долг. В долг! Отсюда – долг перед Богом, долг перед Родиной, долг перед народом. Которые надо отдавать-отрабатывать. Ибо – читайте притчу! – спросится страшно.

С. К.: За свою жизнь вы сменили более 20 профессий: сценограф, токарь, иконописец, реставратор, политический обозреватель... И это только начало списка. Лишь с наступлением 40-летия взялись за свое первое произведение. Расскажите о вашем творческом пути к литературе.

В. Д.: Уточним: не «сменил», а опробовал, и в сорок лет взялся за «первое» большое – за роман. До того писал и стихи, и статьи, и пьесы. Но относился к своим ночным бдениям за пишущей машинкой, как и окружающие, без серьезности. Задним числом все объяснилось: писателя, тем более прозаика, без биографии не бывает. А тогда, к сорока, подступал ужас от того, что я никак не могу определиться с

главным своим делом на земле. В двух-трех профессиях достигал признания, сам понимал свое мастерство, но далее нужно было делать карьеру – становиться главным художником театра, разворачивать бригады, и тут-то всегда, как стенка, вставало чувство «это не мое», «не главное». Аж до тоски, до депрессии. И я уходил, уворачивался. Теперь видно: меня промыслительно провело через самые разные – порой чудесные, порой кошмарные – сюжеты, открывая тайны судеб, показывая потрясающие портреты и типажи, давая возможность собой проверить гадательность и каноничность идей и целеполаганий, смущающих или разделяющих общество.

А конкретным поводом ко вхождению в литературу послужил пожар: в новогоднюю ночь начинающегося тысячелетия: в Могочинском Свято-Никольском монастыре сгорел храм, который я сначала строил, а потом пять лет расписывал. У меня случился нервный срыв, и пару лет я не мог взять в руки кисточку. Поэтому взял перышко и написал первый роман «Аз буки ведал...». И понял: вот оно, мое главное дело. И все вокруг это тоже поняли.

С. К.: Без сомнения, вы – состоявшийся художник: из-под вашей кисти вышло более 400 авторских икон и картин, вы оформили более 50 спектаклей. Наверное, этот творческий опыт в какой-то мере послужил успеху на литературном поприще?

В. Д.: Церковный художник тренирует зрение на типаж. То есть смотришь на человека и не видишь каких-то родинок, особых морщинок, асимметрий и прочих характерных мелочей конкретного человека, а находишь – чем этот человек схож с кем-то другим и другими, виденными ранее. Типажей насчитывается чуть более тысячи, и это использует современный писатель, когда, в отличие от своих предшественников позапрошлых веков, не вы-

писывает каждого нового героя на двух-трех страницах, а несколькими точными штрихами дает тип, который узнается и дорисовывается читателем.

Всегда легко отличаю писателя с сельским детством от выросшего на асфальте: «чистым» горожанам не дано писать пейзажи. А театральным опытом... Драматургия относится к беллетристике, как архитектура к живописи. Расчеты, расчеты – от фундамента под массу стен до геометрии стропил крыши, освещения, отопления, – и лишь в самом конце немного лепных завитушек, ковка и витражи. Сколько минут внимания зрителя сможет удержать монолог, сколько сцена борьбы? Тут урок самой тщательной подготовки к написанию повести или романа, когда нужно проработать, разметить, просчитать по страницам и абзацам всю композицию с ее завязкой, развитием интриги, апофеозами мажорным и минорным, с финалом и моралью, так, чтобы в процессе прочтения направленно изменить сознание читающего. Правильно простроенное и мастерски исполненное произведение должно преображать читателя. Незаметно для него и в лучшую сторону. Иначе зачем бумагу-то переводить?

С. К.: Роман «Аз буки ведал...», ваше первое крупное произведение, в 2003 году был удостоен премии журнала «Москва». Примечательно, что это на тот момент один из немногих текстов в вашем литературном творчестве. Что послужило такому успеху при достаточно скромном писательском опыте?

В. Д.: Мастерство писателя не прямо привязано к количеству написанного. Грибоедов, Тютчев, Волошин не оставили многого. Хотя, конечно, у большого писателя рост отслеживается, но это не столько развитие мастерства, сколько развитие его личности. Впрочем, по тому же Волошину, «для ремесла

и духа – единый путь», разделять тут трудно.

Повторюсь, мне исполнилось сорок лет, я вполне состоялся характером и мировоззрением. Был опыт написания малых форм, достаточный словарный запас – к восьмому классу я вычитал всю районную детскую библиотеку и к концу десятого почти всю взрослую. Серьезно занимаясь мифологией, овладел знаниями, в том числе и тайными, композиции. Стилистика? Повезло, очень вовремя встретил учителя – бывшего главного редактора «Сибогней» («Сибирские огни» – литературно-художественный и общественно-политический журнал. – С. К.) Анатолия Васильевича Никулькова. Это благодаря его неленивой жесткости «курс молодого бойца» был пройден в кратчайшие сроки. А, главное, я же родился для литературы! И это как-то все и всегда чувствовали и чувствуют – и «отрывший» меня Леонид Иванович Бородин, и радостно принявшие в свою среду старейшие мастера – Исаев, Годенко, Скворцов, Крупин, Лошиц, Подсвилов, Лихоносов, Рачков, а на них глядя и ровесники – Дорошенко, Коняев, Галактионова, Кирюшин, Попов, Сегень, Тарковский, Воронцов. Если без шуток, я же консерватор-традиционалист, и естественно, легко вошел-влился в русловые токи классической русской литературы, лишь добавил, точнее, вернул в современность утерянного полвека назад романтического героя. Да кое-что поправил в теории романной композиции. И подогрел интерес к эпике в мужской поэзии. Да уточнил «водораздел» литературы русской и русскоязычной. Остальное – везение и случайность.

С. К.: «Все виды человеческого творчества имеют литературную основу»... Это одно из ваших высказываний о литературе. Что вы имели в виду?

В. Д.: Литература в отношении к иным искусствам основа основ – как математика для

остальных наук. Если без арифметических расчетов невозможны ни химия, ни ботаника, ни астрономия, так без осмысления — без словесного определения целей, задач, возможностей, стратегии и тактики — невозможна работа художника, композитора, певца, танцора. Невозможна! Ведь речь для человека является не «главным средством коммуникации», а сутью его сознания. В отличие от всех иных тварей, человек разумный мыслит словами, а не картинками. Потому-то для полноты развития личности словарный запас важен не только количественным наполнением, но и качественным. Человеку необходимо постоянно читать художественную литературу — умение воспринимать, усваивать, впитывать и воссоздавать литературно-художественную образность возводит сознание личности на следующий по высоте уровень, принципиально столь же отличный от предыдущего, чисто прагматичного, насколько тот разнился с мышлением животных.

Не устаю повторять: нация формируется языком. Кровь и почва в этом процессе вторичны. Именно язык созидает народ, через язык в нацию входят и вживаются и новые этносы, и новые пространства. И сам народ меняется языком. Литературный процесс — это процесс национального самосознания. Через и в ходе него нация себя видит, себя чувствует, осознает и — запоминает. И если этот процесс пресечется, то народ просто исчезнет. Ведь именно художественная литература является основой, истоком и первопричиной любой цивилизации. За пределами литературы цивилизации нет. Ибо там нет ничего человеческого. Только звериное, стихийное, демоническое.

Однако художественная литература для цивилизации — не только изначальность, она ее постоянная животворящая сила, ее наполненность и рост, ее стержень и покрытие. Именно

живой, ежедневно прибывающей литературой определяется роль нации в земной истории и действительности.

С. К.: В своей публицистике вы часто пишете о профессиональных чертах характера русского писателя, к примеру, активная нравственная позиция, умение сочувствовать людям... Действительно ли так важно обладать этими качествами?

В. Д.: Писатель (шире — художник) вообще начинается с сочувствия. Дар проникновения внутрь, в ум и сердце другого, дар прямого соприкосновения с внутренним, в христианском понимании слова, человеком — есть истинная основа творчества, начинательная предрасположенность к творчеству, ведь главная задача искусства — свидетельствовать жизнь человеческой души. Весь смысл художественного творчества — в описании преображения человека. Душа человека — вот что должно отражаться в произведениях искусства. Ее богосискание, богоотрицание или богопознание, ее жизнь, движение через соблазны гибели в благодатность воскрешения.

Книга — всегда разговор личный, писатель и читатель всегда один на один — сердце к сердцу, душа в душу. А разговор по душам — беседа душ — ведется языком лирики. Лиризм — уникальное свойство русской культуры. Это не сентиментальность германцев, не сплин англичан, не испанская романтика. Русская лиричность непереводаема ни на какой язык, не воспринимается полноценно ни в какой иной цивилизации и культуре. Она непередаваема тонка, она только наше и только для нас. Лиричность выше смысла, выше тона, она — наша русская душевность.

С. К.: История нашего народа неотделима от православия, так же как история русской литературы. Важно ли современному российскому писателю быть воцерковленным?

В. Д.: Важно? В каком смысле? Воцерковленным нужно быть каждому, кто считает себя русским. Какой бы крови он ни был – славянской, тюркской, угро-финской или монгольской, – если человек осознает себя неизымаемой частью русской цивилизации, то он просто не может видеть себя и мир не изнутри православия, не через православие. Это как быть британцем и не быть имперцем, быть испанцем и не быть старокатоликом. А вот «российскому» писателю... Не знаю.

Простите, но когда встречаешь это смешение понятий «русский» и «россиянин», просто убивает глухота к родной речи: «русский» – это же понятие историческое, культурное, а «россиянин» – географическое. Нельзя нацию определять только ареалом проживания. Есть же утвердившееся качественное определение: «русский врач», «русский инженер», «русский учитель», которое всегда и везде означает «настоящий», «подлинный». А вот «российский писатель» – невесть кто. Не якут, не адыг, не хант.

Тут, мне кажется, вопрос немного об ином: на наших глазах заканчивается эпоха материализма. Мир вновь становится религиозен. И потому понятно, что в новом мире нового читателя многое из того, что сегодня в литературе нам кажется важным и интересным, окажется не важным и не интересным. Лишним. Да не только в литературе.

С. К.: Вы лауреат ряда литературных премий: международных им. И. А. Гончарова, им. В. И. Нарбута, «Имперская культура», все-российских им. И. А. Бунина и Н. С. Гумилева, православной литературной премии св. благоверного князя Александра Невского... С какой из наград связаны особо яркие воспоминания?

В. Д.: Пока награды получают мои романы, повести и поэмы. Не я, автор, а мои книги. То

есть я еще не дожид до того почтенного возраста, когда величают «общие заслуги» и славословят «значительный вклад», чем, опять же, награждают не автора, а теперь уже его имя. Писатель, как отец, счастлив успешной судьбой своих книг, и поэтому, перебирая дипломы и медали, я готов рассказывать об отмеченных произведениях. О толчках тем и подборе форм к прочувствованным нравственным конфликтам, о прообразах героев – носителей добра или зла, об обстоятельствах написания и чудесах издания...

С. К.: Василий Владимирович, расскажите о вашей работе в Союзе писателей России. Не мешает ли это творчеству?

В. Д.: Еще как мешает. Но если заниматься только собой любимым, то не нужно рассуждать об «активной нравственной позиции», об «умении сочувствовать людям». Ведь что есть «активная нравственная позиция», как не реализация религиозной заповеди «Возлюби ближнего своего, как самого себя»? Дело в том, что в нашей профессии, с одной стороны, каждый писатель ценен своей творческой индивидуальностью, неповторимостью темы, стиля, взгляда, для чего нужно трудиться уединенно, замкнувшись, а, с другой, ни один писатель не может состояться без литературной среды. Последние годы мне, члену правления Союза писателей России и рабочему секретарю, в основном приходится заниматься молодежью. Есть личный проект – Всероссийский Некрасовский семинар молодых литераторов, есть коллективные – я президент Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» и Международного фестиваля-конкурса поэтических переводов «Берега дружбы», председатель жюри Всероссийского литературного фестиваля «Хрустальный родник», также член жюри других конкурсов и премий, веду региональные семинары молодых писа-

телей, даю мастер-классы и прочая, и прочая. Цель всего — преодоление последствий разрыва поколений, случившегося в литературе в последние десятилетия. И первое, что приходится преодолевать, — воспаленный эгоизм этих самых поколений. Тут и чванливые претензии стариков к молодежи, и встречающая буратиновская заносчивость. А страдает наше общее дело. Проблема тугая, облостозевная и лаяй, однако не все безнадежно. Год назад в Союзе писателей России был собран Совет молодых литераторов (СМЛ): Андрей Тимофеев, Василий Попов, Анастасия Чернова, Григорий Шувалов, Сергей Бударин, Алена Белоусенко. Начинали с московских семинаров светлой памяти Михаила Петровича Лобанова. Члены совета очень талантливые писатели и хорошие, настоящие товарищи. А сегодня СМЛ — сеть, постепенно, регион за регионом, покрывающая страну.

С. К.: И в заключение несколько слов нашим читателям.

В. Д.: Ох. Наша литература — всегда поле интеллектуального риска, идейное первопрородчество, мыслительная разведка боем. Нередко литературные сюжеты в России переходили в реальные исторические события, и литературные типы становились их действующими лицами.

Дорогие вы наши, родные, будьте и вы встречно смелее! Литературный рынок перекрыл вам доступ к литературе большой, настоящей, традиционно русской. К новой, все обновляемой, но все той же вечной прозе и поэзии, сочувственно свидетельствующей и мудро толкующей человеку его новое и вечное бытие. Цыганское золото невозможно выложить на одном прилавке с работами Фаберже, и год за годом, десятилетие за десятилетием вас лишают общения с настоящей книгой. Массированная реклама политических и эко-

номических шоуменов, объявляемых писателями, так же и мыльно-безымянные издательские серии, шумные «литературные» премии от олигархов — и полное молчание...

Постоянно слышу вопрос: как, по каким признакам различать литературу истинную и фантомную? Да все просто! Если по прочтении книги — романтической, философски юморной или страстно трагичной — вам пронзительно ясно захочется жить в полную силу, захочется стать лучше, правильнее, и, тратясь душой без оглядки, творить добро ближним, сострадать дальним, если неудержимо потянет к красоте, и вы вдруг всей своей сущностью ощутите, что «воздух чист, как поцелуй ребенка...». Главное — пройти через весь пресс рекламы, через террор. Не бойтесь этого. Не бойтесь своего мнения.

Мы, писатели, сегодня, как никогда ранее, нуждаемся в читательской смелости. ■